

шим капитализмом... «Так русская печь печет», не помню, кому принадлежит это выражение, но в нем есть смысл и отнюдь не квасной. В *этом* не разочаруют нас никакие проявления народной темноты, и мы надеемся полюбоваться не тем, как наш пахарь будет вывариваться в фабричном котле, а тем, как западный капитализм будет выпекаться в нашей печи...

Комментарий и примечания

Впервые: Русская мысль. 1900. № 3, 4.

Статья написана с присущим Протопопову полемическим задором. Она отличается необъективной оценкой произведений указанных авторов. Отождествив «взгляды» персонажей Горького с «точкой зрения» автора, критик обвинил писателя в одобрении «вседозволенности»; в «Чукотских рассказах» Тана обнаружил восхваление «культы силы»; анализируя повести Вересаева «Без дороги» и «Поветрие», он пришел к выводу, что позиция автора «уклончива»: «Моя позиция состоит в том, что я говорю народникам: вы ошибались и ошибаетесь, а марксистам: вы совершенно неправы, тогда как г. Вересаев говорит народникам: вы правы, а марксистам: не могу с вами не согласиться».

Это было замечено современниками: «Личные счеты поколений не позволяют г. Протопопову сказать беспристрастного, правдивого слова» (Мир Божий. 1900. № 6).

¹ Здесь Протопопов повторяет процитированный отрывок из поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо: «Иди к униженным, / Иди к обиженным – / По их стопам, / Где трудно дышится, / Где горе слышится, / Будь первый там!»

² Неточная цитата из стихотворения Пушкина «Деревня».

УДК 821.161.1.09"19" ; 82-97

Священник Георгий Андрианов
Ректор Костромской духовной семинарии
rector44@mail.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ТВОРЕНИЙ СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ИЛАРИОНА ВЕРЕЙСКОГО

В статье характеризуются литературные особенности творений священномученика Илариона, архиепископа Вереяского. Показывается, что серьезный богослов, выдающийся церковный историк и талантливый церковный филолог, святитель Иларион был еще и выдающимся мастером в использовании разнообразных литературных стилей и жанров.

Ключевые слова: литературные особенности, творения, священномученик Иларион, богослов, жанр, стиль, цитата, классическая литература, языки.

priest George (born Andrianov)
rector of Kostroma Spiritual Seminary
rector44@mail.ru

LITERARY PECULIARITIES OF CREATIVE WORK BY ILARION, ARCHBISHOP OF VEREYA VICARIAL EPARCHY AND SAINT MARTYR

Literary features of creations of Ilarion, archbishop of Vereya vicarial eparchy and saint martyr, are characterised in article. It is shown that being a serious theologian, an outstanding church historian and a talented church philologist, prelate Ilarion was various literary styles' and genres' outstanding user as well.

Keywords: literary peculiarities, creative work, saint martyr Ilarion, theologian, genre, style, quotation, classic literature, languages.

Священномученик Иларион, архиепископ Вереяский (1886–1929) является выдающимся православным архипастырем и видным церковным учёным первой четверти XX столетия. Святитель поднимал в своих творениях такие вопросы, которые остаются актуальными по сей день.

В творениях святителя Илариона (Троицкого) содержится большое разнообразие литературных стилей и форм. Публицистика и научный стиль являлись характерными литератур-

ными направлениями его произведений. Проза в творениях учёного имеет целый ряд форм: научные доказательства и анализ, исследование первоисточников, статьи, мемуары, речи, лекции, отзывы и рецензии и т. д. Известный литературовед и филолог С. С. Аверинцев говорит, что для передачи понятия жанра Аристотель употреблял греческое слово «искусство», тем самым философ подчеркивал тот момент, что один человек способен проявить себя мастером в различных жанрах (1, 192–193). Безусловно, с точки зрения теории литературы богослов явил себя искусным мастером. Так, например, с большим искусством он использует для выражения своих взглядов возможности эпистолярного жанра.

«Когда мы говорим о письме, – рассуждает С. С. Аверинцев, – понятно, что его необходимым признаком является только обращение к реальному или фиктивному отсутствующему адресату; нет ничего странного, что под знак такого обращения может быть поставлен только текст, характеризующийся содержательными и формальными предметами любого литературного жанра, например философское рассуждение, «увещание», если угодно, та же биография, – почему бы, в самом деле, не изложить в письме обстоятельства чьей-то жизни? – и так далее, и это отнюдь не жанровый гибрид, не явление «эпистолярного» жанра с отдельными чертами другого жанра, а нечто гораздо более простое – рассуждение, или увещание, или биография в письме: не отклонение от нормы, а норма» (1, 199). И рассуждение, и увещание, и биография отражаются в посланиях святителя к воображаемому адресату: «Единство идеала Христова» и «Письма о Западе». Несколько особняком стоит его «Письмо к Роберту Гардинеру», одному из основателей экуменического движения. Однако видится далеко неслучайным то, что для изложения своей позиции по отношению к экуменизму ученый использует не публицистический жанр, а эпистолярный. Думается, что именно стремление установить более тесный и доверительный контакт с собеседником побудило исследователя избрать для выражения своих богословских взглядов именно этот жанр. Академик Д. С. Лихачев, желая передать свой опыт молодому поколению, также избрал эпистолярный жанр, придав своим наставлениям форму добрых и доверительных советов (11, 30).

Имеются следующие особенности изложения святителем Иларионом богословских воззрений:

- а) повторение ключевых моментов;
- б) частое обращение к цитатам из святоотеческих творений и трудов церковных писателей раннего христианства;
- в) использование исторических документов и первоисточников;
- г) примеры из произведений классической литературы;
- д) использование цитат из стихотворений;
- е) превосходное владение древними и новыми языками.

Стоит несколько остановиться на трех последних особенностях. По сообщению С. А. Волкова, работавшего до революции в академической библиотеке, ученый нередко брал для чтения небогословскую литературу (2, 89–90). Часто это были сочинения А. С. Хомякова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и многих других писателей. Все прочитанное отражалось, так или иначе, в произведениях богослова. Известны его критические отзывы о сочинениях Л. Н. Толстого в работах «Священное Писание и Церковь», «Лев Толстой и Воскресение Христово», «Великая могила». В произведениях Ф. М. Достоевского его привлекала выявленная гением писателя во всей художественной отчетливости мысль о борьбе добрых и злых сил в сердце человека. В книгах А. С. Хомякова ему были интересны некоторые положения славянофильской историософии, например, о том, что путь России по существу иной, чем путь Запада, т. к. дух Православия иной, чем дух западного христианства, зараженного, несмотря на все достижения западноевропейской культуры и науки, господством индивидуализма, разъединенностью, раздробленностью, обособленностью духовного мира людей,

подчиненностью духовной жизни внешним обстоятельствам, господством литературных интересов над духовными. Поэтому, как полагали славянофилы, всемерное развитие истории призывает Россию стать впереди всемирного просвещения, дабы Православие через Россию привело к перестройке всей системы культуры, в том числе, спасло бы Европу от духовной деградации (5, 186, 211; 16, 444).

У богослова не было собственных поэтических произведений, но он нередко пользовался цитатами из стихотворений различных поэтов. Он цитировал отрывки из сочинений Пушкина, Вяземского, Тютчева, Достоевского, Гоголя, Хомякова и многих других. Есть в работах святителя и отрывки из крыловских басен и поэмы Гете «Фауст». В своей вступительной лекции «О церковности духовной школы и богословской науки» он произнес девять отрывков из различных стихотворений, удачно обрисовывая ими свою мысль о необходимости самоотверженного церковного служения.

Архиепископ Иларион был одним из самых образованнейших иерархов своего времени. Думается, что его всестороннее образование, богословская эрудиция и замечательная научная деятельность во многом были обязаны отличному знанию им древних и новых языков. Выдающиеся лингвистические способности богослова проявились еще во время поступления в Московскую Академию. Экзаменационная комиссия по латинскому языку отмечала прекрасное знание предмета выпускниками Тульской Семинарии, среди которых был будущий церковный ученый (3, 208). Как мы увидим, уже поступив в Академию, он не случайно выберет для изучения предметы исторической группы, куда входил английский язык. Стремясь к изучению истории Церкви, юноша понимал, что его английский оставляет желать лучшего, по сравнению с приличным знанием немецкого и французского языков.

В 1908 г. в журнале «Вера и Разум» были напечатаны его статьи, посвященные ветхозаветному пророческому служению. В одной из них он указывает на то, что этот вопрос не изучен основательно в западной библейской науке. Далее он делает обзор всех крупных немецких исследований по данной теме. Известно, что летом 1908 г. во время заграничной поездки он свободно общался по-немецки с сербами и поляками, о чем, однако, скорбел, ибо наблюдал разобщенность славянского мира, который объединялся немецким наречием (10, 11–13).

В своих рассуждениях о ветхозаветном пророческом служении молодой богослов продемонстрировал удивительные познания в древних языках, особенно в еврейском, знание которого было очень необходимо для его научной деятельности в исследуемой области (18, 199).

Но наиболее ярко его филологический талант проявляется в магистерской диссертации «Очерки из истории догмата о Церкви». Этот момент отмечает современный исследователь богословия архиепископа Илариона, патролог А. И. Сидоров, указывая на его терминологические экскурсы в понятие «экклесия» и пр. (16, 36). Кроме нескольких десятков памятников древне-церковной письменности, изученных автором в оригинале, в сочинении используются почти 90 исследований на немецком, французском и английском языках.

Официальный оппонент на магистерском диспуте будущего святителя профессор М. Д. Муретов сказал: «Превосходная лингвистическая подготовка молодого ученого дала ему полную возможность не только изучить предмет по многотомному первоисточнику на латинском и греческом языках, но и широко и основательно познакомиться со всеми наиболее существенными пособиями на немецком и французских языках (английская литература отсутствует сполна), и при том не только по догматике, но и по всем другим соприкосновенным дисциплинам – церковной истории, канонике, экзегетике и т. д. В этом отношении книга автора может служить прекрасным энциклопедическим руководством к православному изучению излагаемых автором предметов» (12, 683).

В этом похвальном отзыве есть все же небольшая неточность. Дело в том, что магистрант все же цитировал английскую литературу в своем сочинении, в частности, книгу одного бри-

танского историка: *Aitken M.A. Apostolical succession considered in the light of the facts of the history of the primitive church. London, 1903* (15, 13). Английские пособия богослов использовал и в своей кандидатской работе. Это отметил его тогдашний рецензент, ректор Академии епископ Феодор (Поздеевский) (4, 236). Небольшое количество английских цитат, на наш взгляд, определялось все-таки неглубоким знанием автором английского языка в те годы, по сравнению с отличным владением тремя древними языками (греческим, латинским и еврейским), а также двумя новыми (немецким и французским). Однако, благодаря неустанной работе над собой, необычайному трудолюбию и научному стремлению, этот пробел был восполнен серьезным изучением английского языка.

С. А. Волков вспоминал, как проходил магистерский диспут протоиерея М. Фивейского в 1917 г.: «Диспутант, солидный и осанистый протоиерей, служивший последние годы настоятелем русской посольской Церкви в Лондоне, держался очень уверенно. Он не только отражал нападки рецензента, профессора Страхова, но и сам переходил в атаки, засыпая противника обилием цитат на английском языке, который, несомненно, знал очень хорошо. После Страхова выступал архимандрит Иларион. Позднее Глаголев говорил, что в 1912 г. при защите своей магистерской диссертации Иларион, тогда еще Владимир Троицкий, английский язык знал не важно и мало цитировал британских богословов. Однако за последующие пять лет он сумел изучить его весьма основательно и на залпы английских цитат отвечал такими же залпами, дополняя их обилием ссылок на греческие, латинские, немецкие и французские тексты, разумеется, на языке подлинника. Произошел действительный ученый поединок, где не было ни победителя, ни побежденного. И на следующий день я мог видеть, как новый магистр с торжествующим видом вышел из монастыря, направляясь к железнодорожному вокзалу...» (2, 69–71)

Виртуозное владение английским и другими языками было, вероятно, обусловлено еще и тем, что ученому приходилось участвовать в совещаниях с инославными делегациями (2, 113). Он также вел переписку с секретарем комиссии по устройству мировой конференции христианства Робертом Гардинером, который присылал Илариону, тогда еще архимандриту, свои брошюры. Можно предположить, что эту корреспонденцию архипастырь читал на английском языке. Сам святитель сообщал, что некоторые из этих сообщений он читал на новогреческом языке (8, 55). Вероятно, что участие ученого в межцерковном диалоге побудило его в 1916 г. напечатать за границей в журнале «*The Churchman*» статью под названием: «*No Christianity without Church*», где он изложил свой взгляд на перспективы зарождающегося экуменического движения (13, 39). Со статьями того же Роберта Гардинера архипастырь приходилось знакомиться и на французском языке по журналу «*Revue internationale ecclesiastique*» (9, 55), публикации из которого он использовал еще в своем магистерском сочинении (15, 217).

Превосходное знание новых языков позволяло монашествующему богослову не только изучать непереуведенные труды иностранных ученых, но и оценивать то или иное произведение. Так весьма интересен его критический отзыв на книгу французского профессора *A. D'Alès'a. L'édit de Calliste/Etude sur les origines de la pénitence chrétienne. Paris, 1914* (7, 611–625). В 1911 г. в другой критической статье богослов даже оценивает качество церковности перевода с английского на русский весьма актуальной книги А. Г. Тарбула «Религиозные основания верования современных ученых» (21, 721).

Блестящее знание ученым греческого и латинского языков было проявлено им в отзыве на учебник «Православного Догматического богословия» протоиерея Николая Малиновского. Постоянно уличая протоиерея в плагиате, он указывал на опечатки в его источниках, отмечая безграмотность автора в написании латинских и греческих слов (17, 666–667). В отзыве на один из семинарских учебников архипастырь подчеркивал необходимость и важность изучения богословской терминологии. «Автор избегает, может быть, по техническим причинам

употреблять греческие слова, – замечает владыка, – а когда речь идет о тринитарной, например, терминологии или о христологической, то необходимы именно греческие слова. Не странно ли встречать такое начертание, как *фисис*? Да и вообще на терминологию обращено слишком мало внимания» (19, 815).

Необходимо в связи с этим заметить, что, будучи крупным церковным ученым архипастырь заботился о том, чтобы будущее поколение русских богословов знало языки не хуже, чем он сам. Он искренне радовался, когда узнавал о филологических успехах своих учеников (2, 48–49).

Являясь инспектором Академии, владыка Иларион с группой профессоров составил «представление о необходимости введения еврейского языка на первом курсе Академии». «По беглому подсчету, – сообщалось в документе, – количество еврейских и арамейских слов, значение которых должно быть известно всякому окончившему курс Духовной Семинарии, доходит до 5–6 сотен». Профессора подвели следующий итог: «Ввиду того, что все богословие зиждется на Св. Писании обоих Заветов, еврейский язык следует признать необходимым для большинства наук, преподаваемых в Духовной Академии» (4, 94–97).

Углубленное изучение древних и новых языков является весьма важным делом в духовных школах. Не нужно говорить, что изучение языка занятие трудное, но оно приносит благие плоды на ниве богословской науки. Чтобы стяжать один из даров Пятидесятницы, святителю Илариону потребовалось упорство и старание. За этот свой тяжелый труд во славу Святой Церкви, он сподобился освящения Святым Духом, прежде всего в деле уразумения древне-церковных текстов в соответствии с патристической традицией православного богословия. Знание новых языков позволило ему отстаивать православную позицию в межцерковных диалогах и критиковать инославное понимание Церкви Христовой.

Серьезный богослов, выдающийся церковный историк и талантливый церковный филолог святитель Иларион был еще и выдающимся мастером в использовании литературных жанров. Однако, разнообразие литературных стилей и форм, большое количество особенностей в произведениях ученого, делают весьма сложной задачу систематизации его творений.

Литература

1. *Аверинцев С. С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996.
2. *Волков С. А.* Последние у Троицы: Воспоминания о Московской духовной академии (1917–1920). М.; СПб., 1995.
3. *Журналы* собрания Совета Московской духовной академии за 1906/07 гг.
4. *Журналы* собрания Совета Московской духовной академии за 1910/11 гг.
5. *Зеньковский В.* История русской философии. Т. I. Paris, 1989.
6. *Иларион (Троицкий), архиепископ.* Очерки из истории догмата о Церкви. – Репринт издания 1912 г. М., 1997.
7. *Иларион (Троицкий), архимандрит.* [Рец. на:] А. D'Alès, professeur a l'Institut catholique de Paris. L'édit de Calliste/Étude sur les origines de la pénitence chrétienne. Paris, 1914 // Богословский вестник. 1915. Март.
8. *Иларион (Троицкий), архимандрит.* Единство Церкви и Всемирная конференция христианства // Иларион (Троицкий), архим. Христианства нет без Церкви. М., 1992.
9. *Иларион (Троицкий), архимандрит.* Единство Церкви и Всемирная конференция христианства // Иларион (Троицкий), архим. Христианства нет без Церкви. М., 1992.
10. *Иларион (Троицкий), архимандрит.* Письма о Западе. Сергиев Посад, 1915.
11. *Лихачев Д. С.* Письма к Другу. М., 1989.
12. *Муретов М. Д., проф.* Критико-библиографическая заметка... // Богословский вестник. 1913. Февраль.
13. *Отчет* о деятельности Московской духовной академии за 1916/1917.
14. *Русская философия: Словарь* / под. общ. ред. М. А. Маслина. М., 1995.
15. *Светозарский А. К.* Архиепископ Иларион (Троицкий) и его время // Иларион (Троицкий), архиеп. Очерки из истории догмата о Церкви. М., 1997.
16. *Сидоров А. И.* Курс патрологии: Возникновение церковной письменности. М., 1996.
17. *Троицкий В.* [Рец. на:] П. И. Малицкий. История христианской Церкви. Вып. 1, 2. Тула, 1909, 1910 // Христианин. 1911. № 1.

18. Троицкий В. Ветхозаветные пророческие школы. Библейско-исторический этюд // Вера и разум. 1908. №20.
19. Троицкий В. Новый учебник по церковной истории // Вера и разум. 1909. №4.
20. Троицкий В. Основные начала ветхозаветного священства и пророчества // Вера и разум. 1909. №9–10.
21. Троицкий В. Правда ли, будто ученые люди в Бога не веруют? // Христианин. 1911. Сентябрь–декабрь.

УДК 82.09

А. А. Виноградов

*Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова
avinon@kmt.n.ru*

ЧАСТНЫЙ ОБРАЗ В ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОЙ СТАТЬЕ

Образ в литературной критике обладает своей спецификой. Установлено, что часто повторяющиеся образы формируют коннотационное поле, а локальные, эпизодические образы включаются в эту иерархическую структуру в качестве составных элементов.

Ключевые слова: образ, коннотация, стиль.

A. A. Vinogradov

*Nekrasov Kostroma State University
avinon@kmt.n.ru*

THE THEORY OF LITERARY CRITICISM: AN EPISODIC IMAGE

An image in literary criticism is distinctive. It is established that recurring images form the connotational domain while local, episodic images are included in this hierarchical structure as integral elements.

Keywords: image, connotation, style.

В статье К. Н. Леонтьева «Анализ, стиль и веяние» есть эпизод, когда критик создаёт перед читателем панорамную картину: «Когда Тургенев говорил так основательно и благородно, что его талант нельзя равнять с дарованием Толстого и что “Лёвушка Толстой – это слон!” то мне всё кажется – он думал в эту минуту особенно о “Войне и Мире”. Именно – слон! Или, если хотите, ещё чудовищнее, – это ископаемый сиватериум во плоти, – сиватериум, которого огромные черепа хранятся в Индии, храмах бога Сивы. И хобот, и громадность, и клыки, и сверх клыков ещё рога, словно вопреки всем зоологическим приличиям. Или ещё можно уподобить “Войну и Мир” индийскому же идолу: – три головы, или четыре лица, и шесть рук! И размеры огромные, и драгоценный материал, и глаза из рубинов и бриллиантов, не только подо лбом, но и на лбу!» (4, 258–259).

Нельзя сказать, что критик постоянно использует столь объёмные образы в своих сочинениях. Как стилист, он действует гораздо тоньше и изобретательней, следуя известному афоризму: «Le stile c'est l'homme» (Стиль – это человек {фр.}). Действительно, многообразие стилистических красок в художественном произведении вполне сопоставимо с проявлением психосоматики человека. В публицистике критический образ (как идея, своеобразно выраженная) является не просто внешним орнаментом рассуждения, а выступает в качестве связующего элемента между эстетической и публицистической реальностью литературно-художественной статьи.

В теории русской критики выделяется несколько признаков, характеризующих литературно-критическую образность: служебная роль, одноплановость, локальность, вторичность. Прежде мы рассматривали одно из этих свойств (см.: Виноградов А. А. Вторичная образность в литературной критике // Духовно-нравственные основы русской литературы. Кострома, 2009. – С. 89–93). Вторичность как принцип подражания – это достаточно редкое явление в публицистической практике, требующее от критика литературного таланта. Напротив, «локальный» образ позиционируется как наиболее часто встречающийся в публицистике. Авторы монографии «Литературно-художественная критика» дают такое определение: «В-четвёртых, локальность: образ в критической статье используется лишь в данном контексте, для данной цели, не претендуя на обобщение многих черт, будучи предназначенным для